

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ
И ВЛАДИМИР-НА-
КЛЯЗЬМЕ

Александр Герцен

**Новгород Великий и
Владимир-на-Клязьме**

«Public Domain»

1846

Герцен А. И.

Новгород Великий и Владимир-на-Клязьме / А. И. Герцен —
«Public Domain», 1846

«Недостаточно знать Петербург и Москву; для того чтоб знать Петербург и Москву, надобно еще заглянуть на то, что делается вокруг них. Около Москвы – мирный венок шести или восьми губерний, великороссийских до конца ногтей, Москва среди них покоится, как старшая в семействе; из нее берут ее племянницы и сестрицы образование, моду, ум и глупость. Довольное спокойствие овладело этой полосой, и она находится в полудремоте, предпочитая сон отцу и матери, как говорит пословица. Старые губернаторы любят назначение в эти губернии...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Александр Герцен

Новгород Великий и Владимир-на-Клязьме

1

Недостаточно знать Петербург и Москву; для того чтоб знать Петербург и Москву, надобно еще заглянуть на то, что делается вокруг них. Около Москвы – мирный венок шести или восьми губерний, великороссийских до конца ногтей, Москва среди них покоится, как старшая в семействе; из нее берут ее племянницы и сестрицы образование, моду, ум и глупость. Довольное спокойствие овладело этой полосой, и она находится в полудремоте, предпочитая сон отцу и матери, как говорит пословица. Старые губернаторы любят назначение в эти губернии. В них никогда не бывает ни чрезмерных преступлений, ни беспримерной добродетели, ни вулканических извержений, ни опасных разливов; хлеб всегда родится довольно плохо, зато редко совсем не родится; крестьяне благочестивы, жалуются на бога за бедность, на казенную палату за рекрутские наборы, а на помещиков никогда не жалуются вслух. Каждая из этих губерний имеет свой талант – стало, завидовать друг другу нечего, и они так же мирно и родственно стоят на одном месте около Москвы, как планеты ни минуты не постоят на одном месте около солнца. Калуга производит тесто, Владимир – вишни, Тула – пистолеты и самовары, Тверь извозничает, Ярославль – человек торговый.

Климат Москвы с ее присными принадлежит к тем вещам, которых вся характеристика состоит из отрицательных качеств: не холодный, не теплый; кукуруза не растет, яблони не мерзнут. После того как Петр I открыл возможность жить в сыром болоте, прилегающем к Балтийскому морю, нечего и доказывать обитаемость московской полосы. Я признаюсь откровенно в моей ограниченности, – не понимаю, как можно по доброй воле жить в климате восьми-девятимесячной зимы. Аскольд и Дир были единственные порядочные люди из всей норманской сволочи, пришедшей с Рюриком, они взяли свои лодки да и пошли с ними пешком в Киев. Игорь, Олег и tutti quanti², жившие на юге России, были люди со вкусом, оттого единственный период в русской истории, который читать не страшно и не скучно, – это киевский период.

Но как волка ни корми, он к лесу глядит; истинные патриоты убежали опять на север, на север Владимира-на-Клязьме и Москвы. Впоследствии и эта полоса оказалась радикалам недостаточно северной. Петр нашел север почище.

Когда едешь из Москвы в Петербург, сначала по дороге деревни напоминают близость к сердцу государства; Тверь – дальний квартал Москвы, и притом хороший квартал, Тверь на Волге и на шоссе, город с будущностью, с карьерой. Но в Новгородской губернии путника обдаёт тоской и ужасом; это предисловие к Петербургу; другая земля, другая природа, бесплодные пажити, болоты с болезненными испарениями, бедные деревни, бедные города, голодные жители, и что ни шаг – становится страшнее, сердце сжимается; тут природа с величайшим усилием, как сказал Грибоедов, производит одни веники; чувствуешь, что подъезжаешь к той полосе земного шара, которая только сделана богом для белых медведей да для равновесия, чтоб шар не свалился с орбиты. Деревья, как-то сторбившись, болезненно стоят на сырой и тощей земле, как волосы на голове у полуплешивого. Так вы достигаете Новгорода. От Новгорода начинаются стеариновые свечи, гвардейские и всяческие солдаты – видно, что Петербург близко. Остальные 180 верст – тот же пустырь ужасный, отвратительный, посы-

¹ В 1841 году, во время моей ссылки в Новгород, сердясь на губернское правление и мерзкую погоду, на глупую ссылку и на глупых чиновников, я написал небольшое юмористическое письмо – «Москва и Петербург»; письмо это понравилось многим и ходило по рукам; этот успех подстрекнул меня написать другое письмо – «О Новгороде и Владимире». Рукописи первого у меня нет, второе, казалось мне, будет кстати в той книжке «Полярной звезды», в которой помещен рассказ о моей новгородской жизни. (Примеч. А. И. Герцена, 1855 г.)

² все прочие (ит.).

панный кое-где солдатами. До Ижор, до Померанья можете присягнуть, что остается верст 1000 до большого города. И в углу этой-то неблагоприятной полосы земли на трясине между двух вод – Петербург, Петербург блестящий, удивительный, один из самых красивых городов в мире. Петр I, по русской пословице, на обухе рожь молотил. Лишь бы мне уехать на юг, я всегда буду восхвалять как дивную победу над природой – Петербург. Три градуса вверх начинается здоровый север, три градуса вниз начинается умеренно дурная полоса, в которой Москва; промежуточные шесть градусов при приятном соседстве моря и всяких вод, речных, озерных, болотных, лечебных и ядовитых, при восточности положения, при близости Зимнего дворца, восьми министерств, трех полиций, святейшего синода и всей августейшей фамилии с немецкими сродниками, составляют полосу вечной сырости, нравственной и физической изморози, душевного и телесного тумана. Петербург... находится между Олонецкой и Новгородской губерниями. Олонецкая губерния отстала от Иркутской, Иркутская не отстала от Новгородской. В Олонецкой губернии разбросанные по скалистой земле и между лесами деревни совершенно разобщены; есть села, к которым никаких нет дорог, кроме тропинок. Новое изобретение колес не везде известно в Олонецкой губернии, и они таскают тяжести волоком. Петрозаводск – место вроде Березова, ему дали сибирские права, чтоб заманить служащих. И все это возле Петербурга. До границы Олонецкой губернии от Петербурга верст 200, не больше. Новгородская губерния дальними уездами не далеко ушла от Олонецкой. Об ней еще нельзя судить по большой дороге. Дикость, бедность земли, которая никогда не родит достаточно хлеба для прокормления, и к тому еще военные поселения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.